

С.А.Иванова

(Днепропетровский Национальный университет)

**Национальные особенности принятия стратегических решений
(на материале народных волшебных сказок)**

Проблема сходства сказок разных народов до сих пор не решена. По мнению классика в этой области – Владимира Проппа, со сказочной классификацией дело обстоит не совсем благополучно [4, с.14], так как сказки похожи, и вместе с тем сказки – разные, гетеронимные. Предметом данного исследования будут русские сказки, а точнее поведенческий аспект героев и выделение основных стратегем. Под таким углом зрения, насколько нам известно, сказочный материал не исследовался. Для сравнения и сопоставления будут использоваться примеры из французских народных сказок, так как своя культура обычно осознаётся в сравнении с другой.

Сложность описания сказочных реалий связана с отсутствием общепринятой терминологии и классификации. Нами будут исследованы сказки со схожими функциями¹ и будет использован ограниченный материал, в частности: сказки, описывающие **путь искателя**. Степень повторяемости сказочных явлений достаточно высокочастотна, это позволяет взять для исследования достаточно малый объем сказочных единиц, позволяющий, тем не менее, вычленил более или менее устойчивые

---

¹ Согласно теории В.Проппа, под «функцией» понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия. Функции действующих лиц – это устойчивые элементы сказки независимо от того кем и как она выполняются. Число функций волшебной сказки ограничено [4, с .22], всего В.Пропп насчитывает тридцать одну функцию [4, с.60]. Примеры функций: «в распоряжение героя попадает волшебное средство», а именно: старик дарит коня; «героя метят», а именно: царевна метит героя перстнем или поцелуем, и так далее.

закономерности. Мы остановимся на волшебных сказках, в которых реализуются, с одной стороны, чудеса, а с другой стороны, логика самого вымысла близка к жизненной правде.

Известно, что поведенческая парадигма человека формируется в течение всей жизни: хотя она может сильно видоизменяться, тем не менее всегда остается какая-то неизменная часть. Это то, что было заложено в раннем детстве, на первых этапах освоения логических операций ребёнком². Как правило, с раннего детства родители читают детям сказки³. Сказки из покон веков считались и считаются воспитательным материалом высокого класса, как и первым лингвистическим опытом ребёнка⁴.

Мы рассматриваем народные сказки как аутентичные источники, повествующие о поведении некой общности людей. Русским народным сказкам более тысячи лет, они появились еще во времена, когда не было ни государства (в современном понятии), и соответственно, национального разделения, ни собственно письменной литературы. Жили себе люди⁵, наши предки, населявшие широкие русские земли с «главными» городами – Киевом и Новгородом.

---

² Несмотря на многочисленные исследования нео-пиажестьенов, теория швейцарского психолога Ж.Пиаже [2] остаётся до сих пор единственной последовательной и экономичной (позволяющей сосуществование множества гипотез) по поводу когнитивного развития ребёнка, проходящего через определённые стадии (без учёта индивидуальных особенностей развития, свойственных каждому ребёнку). Напомним, что согласно этой модели: начиная с возраста 1,5-2 и до 4 лет у детей формируется символическое и допонятийное мышление, с 4 и до 7-8 лет – интуитивное (наглядное) мышление с возрастающей способностью к концептуализации, с 7-8 до 11-12 лет формируются операциональные возможности мышления по отношению к объектам материального мира, которыми можно манипулировать или которые можно схватывать в интуиции.[2, с.136].

³ Интернет полон ссылок с указаниями различных методик чтения сказок детьми, с пояснениями, что можно воспитать с помощью сказок, чему можно научить.

⁴ С раннего детства, ребёнок ощущает «повествовательную» потребность, чтобы не сказать повествовательную зависимость в слушании сказок. Слушая сказки, ребёнок учится концентрироваться на значении слов, ибо в сказке всё заключено в словах, например, великаны, тыква..., мысленно при этом создавая образы фантастических миров, благодаря интонации рассказывающего. Лингвистический же опыт нарабатывается вследствие «словарной гимнастики» в осознании, к примеру, анафорических рядов: Красная шапочка... девочка... она – отсутствующих в быденном общении. Слушая, ребёнок приобретает привычку «предвидения» некоторых последующих структур и запоминания 2-3-х предыдущих фраз (хранение информации). Более того, сказки способствуют усвоению практически всех речевых жанров, например, предписывающего «Сезам...», аргументативного: «Если ты это сделаешь, знай, что...» и т.д.

⁵ Теорией относительно «национальности» народа, населявшего Киевскую Русь – великое множество. Так как эта тема не является предметом нашего исследования, то на ней не будет акцентироваться наше внимание.

Для ясности мы уточним, что геополитические разногласия не являются предметом нашего исследования, так же как и как и современные трактовки национальности. Мы будем рассматривать некий **архетип древнерусского человека**, который и сегодня посредством сказок имеет определенное влияние на поведенческую парадигму русских, украинцев и белорусов.

Интересно отметить, что сказки разных народов по своим функциям являют собой явное сходство (например, есть старый отец, который посылает сынов своих за лекарством, первые два сына не справляются с заданием, последний (младший) сын достает лекарство, но по пути домой из-за козней своих старших братьев попадает в беду, старшие же братья присваивают себе заслуги младшего брата). Эти сказки различаются поведенческой парадигмой героев, то есть поведение героев выступает как некая переменная величина сказки, отражающая национальную особенность того или иного народа.

В русской традиции существует множество сказок, в которых достаточно наглядно демонстрируется стратегия выбора определенного решения героем. Для нашего исследования мы выбрали сказки, в которых герой стоит на развилке дорог, у большого камня, за которым открываются на выбор три неравнозначных пути. На камне надписи обычно такого характера:

«Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется» /Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке/,

или же:

«Направо поедешь — себя спасти, коня потерять. Налево поедешь — коня спасти, себя потерять. Прямо поедешь — женатому быть» /Сказка о молодильных яблоках и живой воде/

Минимум два из трех возможных варианта (а то и все три) – это дороги, сулящие сплошные неприятности. Молодцу (как правило, человеку хорошего происхождения, из царской семьи) надо сделать выбор одной *из четырех*

возможностей или говоря современным языком, в распоряжении героя – **четыре стратегии**. Так, в *Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером волке* это:

Стратегия № 1. Поехать по первой дороге – «и оголодать и замерзнуть».

Стратегия № 2. Поехать по второй дороге – «и потерять коня».

Стратегия № 3. Поехать по третьей дороге – «и погибнуть».

Стратегия № 4. Вернуться назад.

Реализация стратегии как таковой не представляет особого труда – взял и поехал! Но определить верное решение и понять, что может быть точным (оптимальным) решением в такой ситуации – достаточно сложно.

Добрый молодец, кроме традиционных коня, копья, меча и лука со стрелами, имеет еще и голову на плечах (во всяком случае, пока стоит на развилке и читает об ожидающих его превратностях судьбы). Итак, по логике вещей, ему необходимо принять такое решение, которое представит ему меньше всего неприятностей.

Заметим, что в русских сказках обычно нет стереотипного поступка героя: он может поехать «в правую сторону, держа на уме: хотя конь его будет убит, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня» [5, с.126], а может и повернуть «по той дороге, где коня спасти – себя потерять» [5, с.197]. Справедливости ради стоит отметить, что так называемая «стратегия № 4» никогда не реализуется в сказках, так как возврат назад означает малодушие, потерю престижа и имиджа воина⁶, что для человека благородного происхождения более позорно, чем потеря головы. Стратегия с сомнительными возможностями: «оголодать», «замерзнуть», «горевать», «пасть духом» – тоже героем не выбирается. Вероятно потому, что это некий половинчатый выбор: горе, голод и холод может сделать неверной руку героя, и он не сможет проявить себя в полной мере, во всей красе. Таким образом, выбор осуществляется как из наиболее приемлемого варианта – потеря коня, так и

---

⁶ Надо учитывать, что и вероятность того, что такая стратегия приведет к ожидаемому результату – потери чести – равна единице, то есть это абсолютно прогнозируемое событие.

наиболее неприемлемого – потеря головы, то есть жизни. Логику выбора героем стратегии гибели, а не самосохранения – осознать достаточно сложно, к тому же в сказке она вообще не объясняется.

Вернёмся же к нашему сказочному доброму молодцу, оставленному на развилке трех дорог (и четырех стратегий), который не подвергает сомнению **правдивость надписи** на камне, более того он воспринимает ее как кем-то сообщенную истину в последней инстанции. Но так ли это?! В *Сказке о молодильных яблоках и живой воде* камень явно «соврал»: герой, действительно, встречает Бабу-Ягу, точнее трех сестер, носящих это имя, которые по существу – достаточно милые старушки: они Ивана-царевича купают, кормят, спать укладывают, коня дают, всяческим советом помогают, как не погибнуть и цели добиться... Их скорее можно рассматривать как стратегических советниц героя, а не несущих гибель злодеек.

Не оценивает герой и **величину риска решения**: принимается решение сделать так, и так делается. Действия героя из-за этого часто воспринимается читателем как случайные и необдуманные (или недостаточно обдуманные). Сказки отводят на эти решения в большинстве случаев минимум средств описания, скорее они лишь доводят до сведения читателя принятое решение героем – «поразмыслил Федор-царевич: «давай поеду, где женатому быть», «думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть». Логика выбора такого решения напрочь отсутствует: царевичи едут за «лекарством» для старика-отца, а сворачивают «поджениться», тем самым увеличивая риск смерти отца плюс вносят непредсказуемые изменения в свою личную стратегию судьбы. Любопытно, что во французских сказках со схожими функциями («Принцесса Маркасса и птица Дредейн» и др.) вообще отсутствует элемент выбора: герой (младший сын) идет, не зная куда, совершая при этом добрый поступок, в связи с чем, как награда у него появляется проводник, который и подсказывает ему дальнейшие действия и маршрут. Старшие же братья, не совершившие ничего хорошего и доброго, а ставшие на путь кутежа и бездействия, естественно, никуда не попадают.

После выбора стратегического решения, которое традиционно происходит без особого осознания ситуации, в русских народных сказках начинается самое интересное! Как правило, младший сын, Иван-царевич, подобно любому герою волшебной сказки обретает помощника. Причём, практически все советы помощников Иван-царевич выполняет «строго наоборот». Так, если во французской сказке помощник говорит герою о необходимости сделать то-то, то герой исполняет это в точности (нарушить запрет может в редких случаях, например, если дело касается сексуального удовлетворения [6, с.52] или же если запрет исходит от родителя [6, с.59], а не от помощника). Причем сколько бы советов не давал помощник – столько раз герой будет неукоснительно выполнять каждое предписание. Что до исполнительности Ивана-царевича, то картина вырисовывается совершенно иная. Например, Волк-помощник говорит Ивану-царевичу: «Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай... Тебя тот час поймают!», «Бери ты коня златогривого... на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет». Иван же царевич каждый раз как «прельстится» на запретную вещь – так и возьмет ее, естественно, как следствие все обещанные невзгоды сваливаются как на него, так и на его помощника. Последнее испытание – похищение Елены Прекрасной – волк совершает уже сам (!): дабы снова не попасть из-за непослушания царевича в затруднительное положение. Далее герой должен расстаться с вещами, которые он приобрел в меновых операциях, а именно: коня и Елену Прекрасную с тем, чтобы получить Жар-птицу, без которой так кручинится его отец. Но нашему-то герою так жалко расставаться с ними! Полюбилась ему Елена Прекрасная (можно, конечно, допустить, что сердцу не прикажешь), но он и коня отдавать тоже не желает. Герой из *Принцессы Маркассы и птицы Дредейн* наоборот добровольно отдает⁷ все, что он взял из замка (конечно, кроме заветной птицы), тем самым он как бы «метит» путь для своей (кстати, тоже любившейся) принцессы Маркассы. Наш же Иван-царевич, совершенно не церемонясь, объясняет волку,

---

⁷ Точнее продает за деньги, но с условием, что как только явится хозяйка этой вещи – то ее надобно ей отдать.

что надо совершить мошенничество и обманным путем присвоить себе все ценные вещи. Волк-помощник соглашается с таким раскладом, более того не видит в нем ничего предосудительного!

Как мы видим, основная задача героя-искателя – достать чудодейственное средство – осуществляется различными способами. Французский герой – упрямо, по-картезиански⁸ и законопослушно идет к своей цели, опираясь на советы и помощь третьих лиц, несмотря на то, что время от времени даёт о себе знать горячая латинская кровь, когда речь идёт о прекрасной даме. Русский герой приходит к цели наперекор указаниям, чтобы не сказать случайно. Ему было предписано, как надо действовать, он сделал все наоборот, беды обрушились, но, в конце-концов, обстоятельства складываются благоприятно (так как третьи лица опять помогли) и герой достигает своей цели. Самое время вернуться домой с результатом своих достижений! В это время со всеми героями обычно случается несчастье: их бросают в пропасть [5, с.203], в колодезь [6, с.54]), рубят на куски [5, с.131] и прочее подобное. Волшебные помощники вновь героя спасают. Логично рассуждая, можно предположить, что действия после спасения героя, должны быть посвящены тому, чтобы всё же вернуться к себе домой, как правило, во дворец с тем, чтобы восторжествовала справедливость. Часть русских сказок повествует о том, что младший брат приходит во дворец, и как раз поспекает к свадьбе своей возлюбленной и одного из злобных братьев. Но встречаются и другие варианты поведения: «не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам» [5, с.204]. Причем, сказка не объясняет какие именно причины побудили героя действовать именно так, почему Иван-царевич не пытается что-то изменить в несправедливой ситуации. Например, французский принц в аналогичной ситуации приходит в замок под видом бедняка и просит работы, при этом явно имея что-то на уме. Он соглашается быть даже свинопасом, и трудится так усердно, что его повышают до звания конюха.

---

⁸ Философский термин, относящийся к теории и философии Декарта. Картезианское мышление, свойственное многим современным французам, ассоциируется с мышлением ясным, логическим, методическим, рациональным и непоколебимым.

Злобные братья узнают его и советуют престарелому отцу поручить ему кормить сварливую и злоую птицу Дредейн, надеясь его тем самым погубить. Их надежды остаются тщетны, ибо переодетый принц справляется с новым поручением, более того: он даже становится вхож к королю, то есть его достаточно легко найти с помощью его же меток, которые он делал, следуя от прекрасной принцессы. Французского принца не надо нигде искать, не надо бегать по трактирам – он на месте – ждет развязки. Бинарная развязка предполагает процесс узнавания правды и, естественно, наказание «плохих» братьев. В этой связи отметим, что «русское наказание» более гуманное: в темницу посадили [5, с.132], прогнали прочь [5, с.205]. Французское наказание обычно более жестко и натуралистично: бросить в печь [6, с.58], бросить в кипящее масло [6, с.87] и пр.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, что мы имеем?

У нас есть некий среднестатистический сказочный отечественный герой, который способен на самый необдуманный поступок, вплоть до: «пойти по дороге, где обещана смерть», но который никогда не поступится своей честью, своим имиджем воина – он лучше умрет, чем повернет назад. Он совершенно не слушает чьих-то советов и рекомендаций. Если ему говорят, что надо что-то не делать, то он может сделать запретное действие только от того, что «прельстился», то есть даже без явной надобности на то. Он всегда в глубине души надеется, что поможет третья сила (чудо, волшебный персонаж), а ему самому из-за этого и думать слишком сильно не надо: можно просто плыть по волнам обстоятельств, никак не заботясь о перспективной стратегии. Самостоятельно ему «хорошо» удастся умереть по неосмотрительности (заснуть и быть разрезанным на куски), впасть в пьянство, не довести дело до конца (и даже не постараться это сделать). Этот герой запросто имеет отношения с нечистой силой, знает нужные ритуальные слова, чтоб умаслить ее, чтоб ее заставить по собственной воле ему помогать. Он не всегда слишком чист на руку: с легкостью может обманывать весьма могущественных людей (царей!), при этом совершенно, не чувствуя каких-либо угрызений совести!

Если разобраться, то персонаж получился до боли знакомый! Типаж известный многим, в частности, достаточно часто встречающийся в постсовестком пространстве, не так ли?

Необходимо осознавать факт того, что воспитывался этот тип менталитета многие поколения, причём, не только воспитывался, но и не осуждался: так действовал статус положительного героя волшебной сказки. Подразумевалось, что такая поведенческая парадигма есть норма, чтобы не сказать – пример для подражания. Из этого следует, что для успешной работы организации необходимо уделять внимание этим особенностям менталитета этноса при создании органиграмм предприятий и работы с сотрудниками, при планировании переговорных процессов с зарубежными партнерами и пр.

Наш анализ выявляет традиционное отсутствие комплексного статистического анализа ситуативных данных русским человеком. На первом плане всегда находятся, свойственные славянской душе, интуитивные решения, решения которые невозможно объяснить, но которые, впрочем, дают часто положительные результаты. И, как следствие этой поведенческой парадигмы: «непредсказуемость» отечественных предпринимателей, где мутабельность и цепкость становятся качествами, толкающими вопреки логике бизнес вперед. Существует, правда, мнение, что интуиция не появляется на пустом месте, что для ее появления всё же необходимы базовые знания [1, с.5] как минимум в области маркетинга, менеджмента и психологии, которые в процессе интеллектуально-интуитивной обработки и дадут оптимальное управленческое решение. Но как показало наше скромное исследование: привычки «собирать» исходную информацию и аналитически перерабатывать ее у наших предков не было, как нет ее в большинстве случаев и у нас, *homo postsoveticus*, свято верящих испокон веков в чудо⁹.

---

⁹ Вспомним в связи с удивительной верой в чудо, легендарного Лёню Голубкова, вернее рекламные ролики с данным персонажем, в которых с блеском использовалось «коллективное бессознательное» нашего народа, позволившее «одурачить» рекламой для МММ миллионы телезрителей.

Библиографические ссылки:

1. Иванова С., *Творческие аспекты и методологическая последовательность студенческого научного исследования*, Днепропетровск, Самиздат, 2003.
2. Пиаже Ж., *Психология интеллекта*, М.-С-Пб.: Питер, 2003.
3. Почепцов Г., *Русская семиотика, Идеи и методы, персоналии, история*, Серия «Образовательная литература», М.-К.: Рефл-Бул/ Ваклер, 2001.
4. Пропп В., *Морфология волшебной сказки*, М.: Лабиринт, 2001.
5. Русские народные сказки, М.: Детская литература 1979, сс.194-205.
6. Французские народные сказки, М.: Правда, 1988, сс.59-64.

Надійшло до редколегії:

16.02.2004р.